

Почти столетие Тан Фань стоял во главе Небесного Сердца на посту Великого Наставника.

Эти десятилетия стали для секты эрой невиданного расцвета и роста могущества. Под его мудрым и твёрдым руководством Небесное Сердце набирало всё большую силу и влияние, подобно реке, вбирающей в себя всё новые потоки и постепенно становящейся морем. Казалось, сам Цай-Шэнь, бог удачи и богатства, благоприятствовал Небесному Сердцу, суля в скором будущем безоговорочное первенство на всём необъятном Драконьем Просторе.

Разумеется, человек, способный вознести целую секту на такие высоты, не мог быть простым.

Для прежнего Лин Сяо Великий Наставник Тан Фань был весьма загадочной фигурой. Даже ему, самому любимому и доверенному старшему ученику, было мало что о нём известно.

Большинство считали Тан Фаня хитрым и коварным человеком. Прежний Лин Сяо разделял это мнение. Эта убеждённость заставляла его всегда быть настороже, тщательно выверяя каждое слово и жест перед Тан Фанем — прежний Лин Сяо старался быть идеальным учеником и человеком в целом, таким, что без малейшего изъяна.

Как и в поговорке «каков отец, таковы и дети», секта Небесное Сердце, следуя заветам Тан Фаня, сделала скрытность своей настоящей сутью. Её истинная мощь оставалась в тени, даже когда все вокруг признавали её первенство. В этом и заключалась величайшая драма прежнего Лин Сяо. Он был лицом, гордостью и самым острым когтем этой секты, но при этом так и не проник в её сокровенные тайны.

Вызов к Тан Фаню был предрешён, и Лин Сяо знал это. Причин было две, и обе были очевидны. Первая — его внезапный интерес к ничем непримечательному новому ученику. Вторая — Тан Юньци. Публично униженная, она наверняка уже примчалась к отцу с жалобами и слезами.

Судя по воспоминаниям прежнего Лин Сяо, Тан Фань, при всей своей суровости, был отцом, безумно любившим дочь. Любое её желание, которое, конечно, он считал разумным, исполнялось без промедления. А учитывая характер Тан Юньци и её задетую гордость, можно было не сомневаться — первым делом она бросится к отцу излить слёзы и выплеснуть обиду, в надежде, что он всё исправит.

Младший ученик, пришедший за Лин Сяо и сопровождавший его от скромного жилища Ю Сяо до Зала Совета, остановился у массивных дверей и повернулся к Лин Сяо.

— Великий Наставник ожидает старшего брата Лин, — сообщил он отстранённо-почтительно.
— Прощу, — вежливым, отточенным жестом он указал на дверь, и на этом его миссия была завершена. Не дожидаясь, пока Лин Сяо войдёт, он бесшумно удалился.

Взгляд Лин Сяо скользнул по монументальному фасаду Зала Совета. Говорили, табличка над входом — дело рук самого Тан Фаня. На первый взгляд иероглифы струились с мягкой утончённостью и изяществом. Но это была лишь видимость. При более внимательном рассмотрении в каждой линии угадывалась скрытая сталь — твёрдая, острая и безжалостная.

Толкнув массивную дверь, Лин Сяо переступил порог. Внутреннее пространство, обширное и строгое, не стремилось ослепить роскошью. Здесь царила давящая, безмолвная и не терпящая суеты солидность.

Прямо напротив входа, в центре зала, располагались кресла. Два — на возвышении, а остальные — по бокам строгими рядами. Они были вырезаны из тёмного дерева с такой искусной витиеватостью, что узоры на них казались живыми. В одном из центральных кресел,

восседал мужчина лет сорока. Его лицо было удивительно мягким, а взгляд — на редкость добрым и ясным. Это был Великий Наставник Тан Фань.

При появлении Лин Сяо, он тепло улыбнулся:

— Лин Сяо, ты пришёл. Подойди-ка к учителю.

Лин Сяо сделал несколько бесшумных шагов вперёд. Лицо его было бесстрастной маской, и только уголки губ дрогнули — не то в улыбке, не то в гримасе.

— Учитель, — произнёс Лин Сяо почтительно и ровно.

Это обращение само по себе было высшей степенью снисхождения. По старшинству, опыту и уровню совершенствования Тан Фань не мог быть даже учеником Лин Сяо, не то что учителем. Но пока Лин Сяо играл роль прежнего Лин Сяо, приходилось мириться с тем, что Тан Фань дерзал считать его своим учеником.

— Мы с тобой, учитель и ученик, давно уже не беседовали по душам. Сегодня, к счастью, оба свободны. Садись же, мой мальчик, поговорим, — голос Тан Фаня звучал тёпло и душевно. Его взгляд ласково скользил по Лин Сяо, а на губах играла безмятежная, отеческая улыбка.

Лин Сяо, не церемонясь, устроился на одном из кресле в первом ряду. Его движения были лишены и намёка на подобострастие.

— Учитель прав, — откликнулся он ровным тоном. — Со времени последней беседы минуло почти два года.

Тан Фань погладил бороду и с удовлетворением кивнул.

— А помнишь ли ты, мой мальчик, когда и где мы впервые беседовали?

— Ученик помнит. В личные комнаты учителя мало кого допускают. Учитель призвал ученика глубокой ночью. Подобный жест... вне правил и традиций. На такое способен лишь учитель, — ответил Лин Сяо, и на его бесстрастном лице, будто луч лунного света на глади озера, мелькнула лёгкая, ностальгическая улыбка.

— Старею, — с лёгкой, нарочитой грустью вздохнул Тан Фань. — Память уже не та.

Беседа ещё какое-то время плелась вокруг нейтральных тем — погоды, прошлых успехов, пустых формальностей. Настоящая причина встречи всплыла лишь под самый её конец, когда Тан Фань небрежно обронил: «... Что касается моей Юньци...»

Тан Юньци, по сути, была донельзя избалованной девушкой, привыкшей всегда находиться в центре внимания. Каждый в секте, от самого незначительного послушника до седовласых старейшин, видел: Лин Сяо относится к ней холодно и с неизменной сдержанностью. Видел это и сам Тан Фань, и в этом находил странное успокоение.

Зная взрывной и своенравный нрав Тан Юньци, он никогда не требовал от Лин Сяо потакать её капризам. Лишь изредка, вскользь, просил немного уступать — ровно настолько, чтобы её вспышки гнева не перерастали в публичные скандалы. В конце концов, она — юна, к тому же болезненно дорожила своей репутацией и достоинством, особенно в глазах братьев по учению.

Лин Сяо, будучи не настоящим Лин Сяо, играл свою роль с виртуозной лёгкостью. Ни одна из

расставленных словесных ловушек так и не захлопнулась. Он был идеальным собеседником: внимательным, почтительным, вкладывавшим в вовремя сказанные реплики ровно столько смысла, сколько требовалось.

Примерно через час Тан Фань, видимо удовлетворившись как беседой, так и поведением Лин Сяо, наконец, отпустил его.

Покинув Зал Совета, Лин Сяо зашагал по широкой аллее, выметенной дочиста. На его лице расцветала улыбка — сперва лёгкая, затем всё более широкая.

Тан Фань и вправду был хитрым старым лисом. Из десяти вопросов девять были о прошлом. Не сохрани Лин Сяо память прежнего Линь Сяо, провал был бы неминуем.

Прежний Лин Сяо славился холодностью и беспощадностью, однако его популярность среди учеников Небесного Сердца была огромной. Для стороннего наблюдателя это было загадкой, но для нынешнего Лин Сяо, вобравшего все воспоминания прежнего Лин Сяо, всё было кристально ясно: популярность была не даром, и не случайностью, а результатом тонкой, кропотливой работы. Прежний Лин Сяо мастерски создавал ситуации, где мог как бы невзначай оказать небольшую, но критически важную услугу. Казалось бы, мелочь — но поданная услуга в минуту сильной нужды, воспринималась как великая милость. И «спасённый» навсегда связывал своё избавление с одним человеком — с прежним Лин Сяо.

Так и сложилось, что львиная доля учеников Небесного Сердца испытывала к нему глубочайшую благодарность и преклонялась перед ним, словно он был святым. Более того, они всей душой верили, что жестокость и безжалостность старшего брата Лин — лишь маска, прячущая горячее и доброе сердце. Его холодность казалась им благородной бронёй, а не истинной сутью. Лишь единицы знали, каким на самом деле был прежний Лин Сяо.

Откровенно говоря, Лин Сяо поглотил память прежнего Лин Сяо почти что мимоходом. Вышло случайно, но очень кстати — он и предположить не мог, сколько секретов скрывал прежний Лин Сяо.

«Честолюбие... Что может быть прекраснее!» — мысленно усмехнулся он. Какая возвышенная и в то же время до смешного жалкая штука. Но раз уж он теперь вынужден носить личину прежнего Лин Сяо, раз уж он занял его место, то почему бы и нет? От нечего делать, из чистого любопытства, он, так и быть, исполнит заветное желание прежнего Лин Сяо.

— Старший брат Лин, ты вернулся! — из-за поворота показался юноша. Увидев Лин Сяо, его лицо озарилось неподдельной радостью. Он подбежал и, едва переведя дух, прошептал:

— Ну что? Нашёл?

На лице Лин Сяо расцвела широкая, неожиданно тёплая улыбка:

— Чжоу Пэн, если за дело берусь я, разве могут быть проблемы? — его голос звучал спокойно и ободряюще. Лин Сяо прекрасно знал, о какой вещи спрашивает Джоу Пэн. Ради неё прежний Лин Сяо и лишился жизни.

А Чжоу Пэн застыл, будто поражённый молнией. Он впервые в жизни видел, чтобы старший брат Лин улыбался так мягко и по-дружески.

Планы у Ю Сяомо были просты: вернуться в секту и немедленно приступить к посеву в Пространстве Синей Капли. Но реальность в лице Лин Сяо внесла свои коррективы — он мог нагряться в любой момент.

Всё утро Ю Сяомо просидел в своём жилище, уткнувшись в книги. Он не столько читал, сколько прислушивался к каждому шороху за дверью. Лишь к полудню, когда тишина стала непреложным фактом, он немного осмелел. Поглаживая предательски урчащий живот, Ю Сяомо принял героическое решение: сначала — в трапезную. Пусть содрогнутся Небеса и обрушится миропорядок, но только после того, как он поест. Разумеется, такая отчаянная декларация могла родиться в его голове лишь в отсутствие Лин Сяо.

Что за день выдался — неизвестно, но трапезная была забита битком. Ю Сяомо не стал вдаваться в причины, его волновало лишь одно: как бы не остаться без еды.

Однако вскоре он начал замечать странности. Многие из тех, кто проходил мимо или сидел за столами, провожали его взглядами — не то изучающими, не то недоумевающими. До него доносились приглушённые перешёптывания, обрывавшиеся, когда он поворачивал голову в сторону перешёптывающихся. Он ещё не осознавал, что стал главной новостью дня.

Наложив себе еды, он оглядел зал — все места были заняты. И тут, справа, из одного из столов, раздался чей-то голос, окликнувший его:

— Младший брат Ю, сюда!

Ю Сяомо обернулся на знакомый голос. Это был Фан Чэньлэ, и, что важнее, рядом с ним зияло единственное свободное место в зале. Не раздумывая, Ю Сяомо устремился туда, так торопясь, что чуть не расплескал содержимое своей миски.

Фан Чэньлэ, как обычно, был радушным. Он не только приветливо улыбался, но и даже отодвинул для него стул.

— Благодарю старшего брата Фан, — с искренним облегчением пробормотал Ю Сяомо и устроился за столом.

Фан Чэньлэ скользнул взглядом по тарелке Ю Сяомо, и поинтересовался:

— Младший брат Ю, ты всегда так мало ешь?

Ю Сяомо лишь кивнул, не поднимая взгляда.

— Этому мне достаточно. Я не привык наедаться от живота.

Фан Чэньлэ рассмеялся. Он впервые в жизни слышал, чтобы кто-то не привык наедаться от живота. Разве чувство голода — не самый естественный инстинкт, который хочется удовлетворять в первую очередь? Однако смеялся он один. Остальные за столом молча переглядывались, и в их взглядах читалось нетерпение. Наконец, один из переглядывавшихся не выдержал и спросил:

— Младший брат Ю, мы слышали, ты близко знаком с гением боевых искусств Лин Сяо. Говорят, вы даже вернулись вместе. Это правда?

Ю Сяомо с удивлением поднял голову и увидел, что все смотрят на него. И тут всё встало на свои места: он, наконец, понял, почему окружающие так смотрели на него, когда он только

зашёл. История, случившаяся утром, видимо, уже облетела весь Пик. И гадать, чьих уст это дело, не приходилось: кто ещё, кроме тех братьев по учению с Пика Единения, с которыми он вернулся, мог столь же стремительно разнести весть?

Под пристальными, пытливыми взорами Ю Сяомо чувствовал себя крайне неловко.

— На самом деле это... недоразумение, — тихо произнёс он.

— Какое же это недоразумение? Многие собственными глазами видели, — нахмурился один из братьев по учению. Он решил, что Ю Сяомо просто хочет всё утаить.

— Правда, недоразумение... — Ю Сяомо отвёл взгляд. А что он мог ещё сказать? Признаться, что узнал нечто, за что Лин Сяо может стереть любого в порошок? И что теперь за это Лин Сяо — объект всеобщего обожания — держит его на коротком поводке и шантажирует? Даже если бы у него хватило духу выложить всё, его бы приняли за сумасшедшего или за завистливого лжеца. Будь он на их месте, скорее бы поверил в любую, даже в самую нелепую сплетню, чем в такую дикую правду.

— Ладно, хватит допрашивать младшего брата Ю. Раз он говорит, что недоразумение, значит, так и есть. К тому же, трапезная — место, где едят, а не болтают что попало, — Фан Чэньлэ пресёк допрос, тем самым выручив смущённого Ю Сяомо.

Возможно, на всём Пике Единения Фан Чэньлэ был одним из немногих, кого пустые сплетни и впрямь не интересовали.

И хотя его авторитет уступал авторитету, например, того же Лин Сяо, его слова всё же имели вес. Любопытствующие, пусть и нехотя, отступили — по крайней мере, до той поры, пока он сидел за этим столом. Ю Сяомо, само собой, украдкой поблагодарил Фан Чэньлэ.

Именно после этого случая Фан Чэньлэ стал для Ю Сяомо живым воплощением того, каким должен быть старший брат по учению: надёжным, справедливым и несуетным.

Лин Сяо же на его фоне выглядел и вовсе полным... ну, тем, кем он и был.

<http://bllate.org/book/13207/1183841>